

О.В. СТОЛЕТОВ

СТРАТЕГИЯ «РАЗУМНОЙ СИЛЫ» В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕС

В условиях, когда Европейский союз постепенно, но целенаправленно повышает свой международный статус, представляется актуальным проанализировать трансформацию современной внешней политики ЕС, характеризующуюся повышением активности объединения на международной арене и поиском Евросоюзом своей глобальной стратегии. Такого рода трансформация, по нашему мнению, определяется как внутренними, так и внешними для ЕС факторами. За основу анализа предполагается взять разработанную ранее типологию внешнеполитических стратегий [Чихарев, Столетов, 2014]. Основная задача статьи состоит в определении перспективности реализации Европейским союзом на международной арене стратегии «разумной силы».

К внутренним факторам, влияющим на трансформацию внешней политики ЕС, представляется возможным отнести все большую институционализацию Евросоюза как целостного коллективного участника мировой политики, а также повышение лидерских амбиций у отдельных крупных европейских держав. Так, исследователь Дэвис Май Кросс рассматривает создание Европейской службы внешних действий и последующее развитие данного института как важный шаг в формировании «разумной силы» Евросоюза [Кросс, 2011].

К внешним факторам, по нашему мнению, относятся: снижение доверия к США как безусловному глобальному лидеру, мультиполяризация глобального и европейского пространств, кризисные явления в мировой экономике, нарастание стратегической

глобальной неопределенности. Лидеры ЕС наблюдают общий рост конфликтности в современном мире, нарастание отрицательных воздействий на Евросоюз со стороны негативных проявлений глобализации. Руководителей ЕС также беспокоит смещение глобальных экономических потоков в Азию, в результате которого Европа постепенно утрачивает свое центральное положение в международной политике.

Реализация Европейским союзом стратегии «разумной силы», предполагающей эффективный контекстуальный синтез «жесткого» и «мягкого» инструментария влияния, ответственный и рациональный подход к глобальной политике, проблематична в условиях недостаточно эффективной координации действий между различными институтами и отдельными странами ЕС.

Финансовая дестабилизация внутри ЕС также способствует разбалансировке глобальной стратегии ЕС в целом. В этих условиях ЕС стремится обеспечить поддержание финансового баланса внутри объединения посредством создания специализированных наднациональных структур. В частности, в июле 2011 г. было принято решение о создании постоянного Европейского механизма стабильности.

Значимую роль в формировании внешнеполитической стратегии ЕС играют такие локомотивы Евросоюза, как Германия и Франция. При этом внешнеполитические действия двух акторов не всегда реализуются в условиях взаимного согласия. Так, инициатива Франции по созданию Средиземноморского союза в значительной степени реализовывалась в одностороннем порядке, без учета позиции Германии [Офицеров-Бельский, 2013, с. 122–130].

В определенной мере нарушению координации общеевропейской внешней политики также способствует наличие в ЕС атлантического лобби. Эта элитная группа интересов Евросоюза зачастую противопоставляется другой группе, в большей степени ориентированной на интересы континентальной Европы. Тем не менее данный фактор не является однозначным. Нам представляется, что Евросоюз отчасти стремится, а отчасти вынужден координировать свою внешнеполитическую стратегию с Соединенными Штатами. Относительно недавно между ЕС и США был создан диалог по вопросам стран Азиатско-Тихоокеанского бассейна [Бонстра, Ляруэль, 2013]. Создание такого диалога обусловлено особенной значимостью Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Поводом для более активного участия США и ЕС в делах АТР является активизация территориальных споров в районе Южно-Китайского моря. ЕС вместе с США выступил с утверждением приверженности «поиску мирных дипломатических решений и сотрудничества» относительно решения территориальных споров. Эксперты отмечают, что такая позиция Евросоюза – своеобразный знак для КНР, который должен способствовать формированию у Китая понимания того, что агрессивные действия в Южно-Китайском море могут привести к ухудшению его экономических отношений с Евросоюзом. В наибольшей степени координация Евросоюзом своих действий с США происходит в военной сфере. Показательно, что в 2014 г. США могут стать ассоциированным членом Еврокорпуса.

Определенные сложности современный Евросоюз испытывает и со стратегическим планированием. Достаточно отметить, что стратегия безопасности ЕС была утверждена еще в 2003 г. и с тех пор не обновлялась. За прошедшие годы данный документ в значительной степени устарел и уже не дает ответов на ключевые вопросы стратегического видения. Тем не менее в последние годы ЕС стремится разработать общеевропейские документы, регламентирующие стратегию Евросоюза по ключевым пространственным внешнеполитическим направлениям. В числе такого рода документов следует назвать выпущенную Европейской комиссией Зеленую книгу «К будущей морской политике ЕС: европейский подход к морям и океанам» [Александров, 2013, с. 12–17]. В 2007 г. по инициативе Германии была принята стратегия ЕС по Центральной Азии [Шустер, 2011]. В 2008 г. Еврокомиссией было принято коммюнике «Европейский союз и арктический регион». В 2011 г. по инициативе Румынии и Австрии была принята стратегия Европейского союза для Дунайского региона. В 2011 г. также была обнародована новая региональная инициатива ЕС – проект Партнерства с Южным Средиземноморьем во имя демократии и общего процветания.

Система интеллектуальных центров общеевропейского стратегического планирования также находится в состоянии своего формирования. Ключевая для Евросоюза «фабрика мысли», Европейский совет по международным отношениям, была создана относительно недавно, лишь в октябре 2007 г. В 2008 г. была создана

профильная, ориентированная на изучение внешней политики ЕС в ЦАР «фабрика мысли» «Europe-Central Asia Monitoring» (EUCAM).

В ЕС также функционирует базирующийся в Мадриде «мозговой центр» FRIDE, осуществляющий работу по следующим направлениям: «Кризис и внешняя политика ЕС», «Европа и трансформация мирового порядка», «Изменение подходов к безопасности», «Новый Ближний Восток» [Grevi et al, 2013]. Показательно, что в одном из исследовательских проектов футурологической направленности, реализованном данным центром, говорится о превращении ЕС в стратегической перспективе (до 2030 г.) не в сверхдержаву, но в «суперпартнера» для других стран и регионов [ibid]. Руководитель Европейской школы администрирования Д. Уолкер отмечает, что позиционирование ЕС как «суперпартнера» должно выстраиваться через более широкий и гибкий дипломатический подход, охватывающий широкий круг вопросов международного взаимодействия, от торговых аспектов и до вопросов управления ресурсами в сфере климата, энергетики, безопасности.

В 2007 г. по инициативе президента Франции Николя Саркози в ЕС была создана Группа по анализу перспектив евроинтеграции в 2020–2030 гг. («Группа мудрецов» ЕС). В 2010 г. Группа подготовила и представила Европейскому совету доклад «Проект Европа 2030».

Рассмотрим более подробно стратегический инструментарий внешней политики Евросоюза на современном этапе.

Руководство ЕС ко второй половине 2000-х годов отказалось от идеи создания громоздкой военной группировки. Взамен была разработана концепция формирования Европейских сил реагирования, предполагающая создание «боевых тактических групп». Данные группы должны представлять собой компактные мобильные подразделения с численностью усиленного батальона. Каждое такое подразделение должно быть предназначено для автономного выполнения поставленных задач в течение одного месяца [Цыбаков, 2012].

В настоящее время идея европейских вооруженных сил реализована в форме Еврокорпуса. В его составе две структуры – штаб численностью около 400 офицеров и отряд тыловой поддержки, в составе которого около 500 человек. При этом страны – члены Еврокорпуса (Германия, Франция, Бельгия и Испания) мо-

гут довести численность войск Еврокорпуса до 60 тыс. человек за счет выделенных национальных сил.

В числе причин слабого продвижения ЕС на пути повышения своей военной мощи исследователи называют противодействие бюрократии НАТО, которая ориентирована на негативное отношение США к европейским инициативам в сфере повышения военной самостоятельности. Указывается также на негативное отношение к вхождению в новые военные блоки ведущих политических сил многих европейских государств. Отмечается, что значимую роль в срыве планов по милитаризации внешней политики ЕС сыграли весьма негативные для союзников итоги военных операций в Афганистане и Ираке [Цыбаков, 2012].

При этом представляется возможным согласиться с исследователем Д.Л. Цыбаковым, который отмечает, что в XXI в. военные операции, реализующиеся в условиях перехода к бесконтактным войнам шестого поколения, не обязательно должны предполагать использование мощи регулярной армии Евросоюза. Цыбаков считает, что милитаризация внешней политики ЕС не будет находиться в жесткой зависимости от способности европейских держав поступиться собственным суверенитетом. На практике гораздо более реалистичным выглядит сценарий, при котором военная деятельность ЕС во внешней политике будет проявляться в формате создания неформальных коалиций, в рамках которых собственно военная составляющая будет сочетаться с «миротворческой» либо «гражданско-полицейской». О том, что такой подход для ЕС вполне возможен, говорит опыт военного участия стран Евросоюза в событиях «арабской весны» 2010–2011 гг.

Следует отметить, что само по себе формирование самостоятельного статуса в оборонной сфере для современного Евросоюза – это не только и, вероятно, даже не столько проект реальной подготовки к полномасштабной войне, сколько проект позиционирования дальнейшей всесторонней интеграции европейских стран. Подобную точку зрения можно аргументировать тем, что «объединившаяся Европа» продолжает нуждаться в «эффективной доктрине внутреннего сплочения». Такого рода доктрина должна, с одной стороны, поддерживать стабильность европейской целостности, которая некоторым образом пошатнулась в результате глобального финансово-экономического кризиса, а с другой стороны,

обеспечить дальнейшее формирование наднациональных управленческих институтов [Цыбаков, 2012].

Для вооружений, используемых в рамках стратегии «разумной силы», характерны следующие параметры: высокая мобильность, высокий уровень защиты личного состава, надежная связь и технологии ориентирования. Новые вооружения должны позволять вести военные действия в любых средах.

Уже сегодня в странах ЕС разработаны образцы передовых вооружений, в частности, в рамках таких отраслей, как авионика, системы обмена данными, морские и авиационные стелс-технологии [Сидоров, 2012]. Вероятно, что в перспективе Евросоюз будет развивать «умное оружие», основанное на так называемых NBIC-технологиях (Nanotechnology, Biotechnology, Information technology and Cognitive). У ЕС для этого есть серьезные технологические наработки. В Евросоюзе действует программа «Converging Technologies for the European Knowledge Society». При этом ЕС испытывает существенную потребность в консолидации своего оборонного сектора [Данилов, 2013]. В существующей ситуации материально-техническая основа военно-промышленного комплекса (ВПК) Евросоюза сосредоточена в четырех государствах: Германии, во Франции, в Великобритании и Италии.

«Жесткую силу» ЕС реализуют также следующие структуры: Европол, Разведывательное управление военного штаба, Центр анализа обстановки, Центр космической разведки, Группа «Бернского клуба», Европейский институт проблем безопасности [Кондратьев, 2009], Агентство по сетевой и информационной безопасности [Владимирский, 2013].

Санкции, ограничивающие въезд на территорию Евросоюза, являются важной составляющей «жесткого» инструментария стратегии ЕС. Например, в феврале 2003 г. ЕС ввел санкции против приднестровских властей и в дальнейшем осуществлял их ежегодное продление.

«Арабская весна» для ЕС совпала с общим кризисом союзнических отношений в рамках НАТО. Следует заметить, что даже совместные военные операции США и отдельных государств ЕС в Ливии не способствовали полноценному преодолению возникшего кризиса, но, наоборот, привели к тому, что кризис в этой североафриканской стране приобрел перманентный характер.

Отечественный исследователь Н.К. Арбатова отмечает, что возникший кризис военно-политических отношений США и ЕС явился следствием переориентации стратегии безопасности США с Евроатлантического региона в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. К этому, по нашему мнению, нужно также прибавить проблему неготовности многих государств ЕС подвергать жизни своих солдат смертельной угрозе в ходе военных операций. Кроме того, ЕС демонстрирует неготовность вкладывать в функционирование НАТО значительные экономические ресурсы. Так, из 100% бюджета НАТО вклад государств Европы составляет лишь 20%, остальные 80% приходятся на США и Канаду [Воронин, 2012].

Последующие разоблачительные данные, предоставленные бывшим сотрудником Агентства национальной безопасности США Эдвардом Сноуденом и опубликованные в европейской прессе, привели к дополнительному удару по двусторонним отношениям в рамках Североатлантического альянса, способствовали привлечению внимания к данной проблеме внутри самого ЕС, а также получили чрезвычайно значительную международную огласку. Таким образом, к кризису в военно-политической сфере добавился также кризис доверия. Показательно, что скандал вокруг электронного шпионажа США в отношении стран – членов ЕС и отдельных институтов ЕС не остался на уровне двусторонних отношений США и каждой отдельной страны ЕС, в отношении которой были данные о слежке, но был вынесен на общеевропейский уровень. В октябре 2013 г. в Брюсселе состоялся саммит ЕС, центральной темой которого стала именно американская слежка.

Экспорт вооружений, созданных на базе собственных технологий и собственной производственной базы, является важным инструментом стратегии «разумной силы». Благодаря данному инструменту международный актор получает возможность поддерживать военную мощь стран, которые представляют для него геополитическую либо иную значимость, и одновременно получать от этого доход. При этом в современном мире поставки вооружений зачастую, хотя и не всегда, осуществляются не в целях эскалации конфликтов, а в целях их сдерживания. В случае ЕС наиболее активную роль в наращивании военного экспорта играет Германия. Заметим также, что одна из санкций, которую использует ЕС, состоит в наложении эмбарго на поставки вооружений. Известно, что в ЕС действует эмбарго на поставки оружия в КНР.

Один из последних примеров использования Евросоюзом данной санкции связан с приостановкой лицензии на экспорт вооружений Египту.

Финансово-экономический инструментарий Европейского союза сегодня все чаще воспринимается на экспертном уровне как инструментарий «жесткий». При этом данный инструментарий, несмотря на внутренние экономические проблемы, ЕС использовал и продолжает использовать достаточно активно. Весьма наглядно это проявляется на примере взаимодействия Евросоюза со странами «Восточного партнерства».

В декабре 2013 г. глава представительства ЕС в Грузии Филипп Митиров и министр Грузии по вопросам евроинтеграции Алексей Петриашвили подписали финансовое соглашение, в соответствии с которым ЕС предоставит республике дополнительно 27 млн евро для реформ в сфере управления рынком труда. Показательно, что выделение соответствующих средств произошло вскоре после подписания Грузией соглашения об ассоциации с ЕС в ноябре 2013 г. Молдавии, которая также подписала соглашение об ассоциации с ЕС, было выделено 35 млн евро для повышения экономических возможностей в сельской местности.

В арсенале «жесткой силы» ЕС важное место занимают экономические санкции, например заморозка активов. Как правило, инструментарий экономических санкций ЕС координирует с Соединенными Штатами.

С точки зрения позиционирования ценностей, заложенных во внешнеполитическую стратегию ЕС, важное место занимает Хартия Европейского союза по правам человека. Этот документ был опубликован в Ницце в декабре 2000 г. В настоящее время Хартия приобрела обязательную юридическую силу благодаря Лиссабонскому договору [Фонтэн, 2010, с. 80]. Базируясь на данной Хартии, ЕС периодически выступает с критикой различных государств.

Продвижение вовне заданных нормативно-правовых стандартов в социальной, экономической, юридической, политической сферах через институты дипломатического партнерства представляется возможным преимущественно отнести к инструментам «мягкой силы», хотя в ряде ситуаций продвижение такого рода стандартов может использоваться как инструмент давления либо манипуляции. Манипулирование может проявляться в том, что

продвигаемые вовне стандарты далеко не всегда отвечают интересам принимающей их стороны и не всегда автономны от ЕС. Принимающая сторона исходит из того, что в обмен на формальное согласие с предлагаемыми стандартами она получит некие блага. Однако на практике страна, принимающая такого рода стандарты, оказывается в нормативно-правовой зависимости от внешнеполитической силы в лице европейских институтов.

В то же время сами исследовательские структуры ЕС фиксируют определенные противоречия, которые имеют место между политическими ценностями демократии и прав человека, продвигаемыми ЕС вовне, и теми реальными политическими шагами, которые совершает Евросоюз. Например, демократическая ценностная программа заложена в стратегию ЕС в Центральной Азии. При этом исследовательский центр FRIDE указывает, что на практике, преследуя цель по достижению газовой независимости от России, ЕС в значительной степени закрыл глаза на авторитарный характер политической системы Туркмении [Себастьян, Бунстра, Ляруэль, 2012]. Другой пример касается недавнего саммита «Восточного партнерства», прошедшего в ноябре 2013 г. Нам представляется, что на данном саммите, при готовности украинской стороны, ЕС пошел бы на подписание соглашения об ассоциации с Украиной, невзирая на то, что Юлия Тимошенко на момент проведения саммита продолжала находиться в заключении.

Комплексная программа по реформированию институтов (Comprehensive Institution-Building Programme) заложена в программу «Восточное партнерство» [Косикова, 2012, с. 171–190]. В отношении арабских стран Евросоюз реализует комплекс официальных программ по демократизации и либерализации. В частности, ЕС на коллективном уровне использует Европейский инструмент соседства и партнерства и Европейский инструмент содействия демократии и правам человека, на уровне отдельных государств – членов ЕС реализуются национальные программы [Фитуни, 2012].

Продвижением стандартов Евросоюза занимаются и конкретные, специально созданные для этого институты. В мае 2013 г. Европейской комиссией совместно со странами ЕС и Швейцарией был учрежден Европейский фонд в поддержку демократии. Впервые идея создание такого фонда была озвучена в начале 2011 г. и, в частности, была связана с активизацией демократических процессов в Белоруссии, странах Арабского Востока и Северной Аф-

рики. В настоящее время демократические процессы в обозначенных регионах, по мнению исполнительного директора фонда, заместителя министра иностранных дел Польши Ежи Помяновски, в значительной степени зашли в тупик. В этих условиях, по его мнению, ЕС следует активизировать работу по продвижению демократии, в том числе, в тех государствах, которые не входят в Европу. Отмечается, что Европейский фонд поддержки демократии будет строить свою работу на предоставлении помощи журналистам, блогерам, незарегистрированным НПО, а также политическим движениям, в том числе находящимся в изгнании. Непосредственно работа фонда будет направлена на поддержку демократических движений в Белоруссии, Алжире, Армении, Азербайджане, Египте, Грузии, Иордании, Ливане, Ливии, Марокко, Молдавии, Сирии, на Украине, а также в Палестине. В целом особенность внешнеполитической стратегии ЕС состоит в том – и в этом смысле наблюдается сходство со стратегией США, – что имеет место последовательная работа с политической оппозицией в государствах, которые находятся в орбите околоевропейского пространства.

Элементы посттрадиционного понимания безопасности в международно-политическом дискурсе ЕС прослеживаются достаточно отчетливо. Показательны слова председателя Европейского совета Хермана ван Ромпея, который в 2010 г. заявил, что ЕС и США должны взять на себя лидерство в решении проблем глобальной безопасности, и отметил, что, наряду с противостоянием военным угрозам и угрозам ядерной безопасности, в центре внимания двух партнеров должны находиться проблемы киберугроз в отношении ключевых элементов современной инфраструктуры.

Хотя обозначаемые ЕС нетрадиционные угрозы безопасности получают все большее распространение, противодействие им Евросоюзу пока не удается оформить в систему устойчивых глобальных международных обязательств. В частности, амбициозный международный проект ЕС, представленный Киотским протоколом и предполагавший создание универсального договора с целью уменьшить выбросы углерода в атмосферу, де-факто провалился.

Важными субъектами продвижения дискурса ЕС вовне являются европейские университеты. Ряд университетов Евросоюза непосредственным образом ориентированы на работу с аудиторией неевропейских студентов из значимых для ЕС государств.

Инструментом глобальной стратегии ЕС также выступает участие в конфликтном урегулировании на международном уровне. Прежде всего, это касается официального политического и экспертного переговоров уровней. В настоящий момент ЕС в качестве дипломатического посредника, в частности, участвует в международном квартете по Ближневосточному урегулированию, в формате «5 + 2» по проблеме Приднестровья [Арбатова, Кокеев, 2011, с. 143].

Будучи участником международного Ближневосточного квартета, ЕС оказывает палестинской стороне гуманитарную и экономическую помощь, содействует созданию палестинским руководством гражданской полиции и системы уголовного правосудия на Западном берегу реки Иордан [Кутрашев, 2012]. ЕС, несмотря на то, что не входит непосредственно в «шестерку» международных посредников по урегулированию иранской ядерной проблемы (США, Россия, Франция, КНР, Великобритания, Германия), тем не менее в переговорах участвует в лице верховного комиссара ЕС по внешней политике и безопасности Кэтрин Эштон.

Важным дипломатическим институтом ЕС, задействованным в решении проблемы урегулирования международных конфликтов, является институт специальных представителей Евросоюза. В настоящее время ЕС располагает 11 специальными представителями в 12 странах и регионах мира. К территориям, в которых присутствуют специальные представители ЕС, относятся: Афганистан, африканский регион Великих озер, Африканский Союз, Босния и Герцеговина, Центральная Азия, Бывшая Югославская Республика Македония, Грузия, Косово, Ближний Восток, Молдавия, Южный Кавказ, Южный Судан.

В сирийской проблеме ЕС длительное время демонстрировал значительную бескомпромиссность. В частности, достаточно жесткую позицию по вопросу Сирии ЕС показал в ходе саммита Россия – ЕС, прошедшем в июне 2013 г. в Екатеринбурге. По итогам саммита отмечалось, что позиция России была даже ближе к США, нежели к ЕС [Арбатова, 2013]. Тем не менее ЕС поддержал российско-американское предложение о проведении второй международной конференции по Сирии в Женеве. Н. Арбатова трактует данную позицию ЕС как позицию утраты инициативы на данном направлении. По ее мнению, это трансформирует традиционную роль ЕС в кризисном регулировании. Однако уже на этом саммите

полного единства по сирийскому вопросу у отдельных государств ЕС не просматривалось.

К сентябрю позиция ЕС по Сирии несколько трансформировалась. Выступая на пресс-конференции в Санкт-Петербурге, в рамках саммита G-20 председатель Европейского совета Херман ванн Ромпей заявил, что ЕС не приемлет военного решения сирийского кризиса и выступает за скорейшую публикацию результатов проверки наличия химического оружия в Сирии. Ромпей также заявил о том, что сирийский кризис должен решаться под эгидой ООН. Председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу со своей стороны отметил, что Европейская комиссия выделила 1,3 млрд евро на оказание гуманитарной помощи в сирийском конфликте.

Участием в переговорных процессах активность ЕС не ограничивается. В общей сложности с 2003 г. ЕС было развернуто 25 миротворческих операций, 17 из которых являлись гражданскими либо смешанно гражданско-военными операциями. В собственно военных операциях ЕС участвует значительно меньше. В частности, ЕС принял участие в операции «Алтея» в Боснии и Герцеговине, а также в операции «Аталанта», проводившейся с 2008 г. против сомалийских пиратов в Аденском заливе. ЕС в значительных объемах оказывает гуманитарную помощь, как в форме денежных средств, так и в иных формах. В рамках Еврокомиссии функционирует специальный департамент по гуманитарной помощи и гражданской защите. Осуществляя гуманитарную помощь, ЕС реализует международное сотрудничество, в том числе, с МЧС России.

Интеллектуализация внешнеполитической стратегии ЕС проявляется в том, что ЕС стремится утвердить себя как международный центр притяжения инноваций и научных кадров. Об этом позволяет говорить официально заявленная Евросоюзом цель построения в Европе общества, основанного на знаниях. Здесь же следует рассматривать эффективность реализации запущенных Евросоюзом международных образовательных программ. В данном контексте ЕС вступает в конкуренцию, в первую очередь, с Соединенными Штатами.

Важным инструментом, которым в данном случае пользуется ЕС, является управление доступом на привлекательный и емкий европейский рынок. Доступ к рынку увязывается с использовани-

ем инновационных технологических решений, которыми обладает Европейский союз. Схема выглядит следующим образом. ЕС предлагает компаниям третьих стран заплатить за разработку инновационных технологий в ЕС. Затем данным компаниям предлагается купить соответствующую продукцию. В случае готовности компаний третьих стран следовать этой схеме им предоставляется возможность продолжать работать на внутреннем европейском рынке [Романова, 2013].

Важным стратегическим технологическим преимуществом ЕС является спутниковая система навигации «Галилео». Лидирующее положение Евросоюза на глобальном коммерческом рынке спутниковых коммуникаций, в частности, определяется тем, что четыре крупнейших мировых оператора спутниковых систем находятся в Европе либо принадлежат европейским организаторам.

В стратегию ЕС заложено продолжение политики расширения. Очередным шагом в этом направлении стало присоединение к Евросоюзу Хорватии, произошедшее в 2013 г. В ближайшей перспективе ожидается присоединение к ЕС таких стран, как Сербия и Черногория. Сербия в феврале 2012 г. получила статус кандидата в члены Евросоюза. В 2013 г. в Европейском союзе вновь был поставлен вопрос о вступлении Турции. Официально об изменении позиции ЕС по вопросу евроинтеграции Турции было заявлено министрами иностранных дел ЕС в октябре 2013 г. в Люксембурге. Соответствующее решение о возобновлении диалога с Турцией министры иностранных дел ЕС приняли еще в июне 2013 г., однако тогда переговоры были временно приостановлены Евросоюзом в знак протеста против жестокого подавления выступлений на площади Таксим в Стамбуле.

Политика расширения ЕС имеет свои издержки. В частности, потенциальное присоединение к ЕС новых государств не гарантирует последним получение всего комплекса привилегий, к которым они стремились. О том, что эти привилегии могут быть им не предоставлены, говорит опыт стран, которые уже находятся внутри ЕС. Например, Румыния и Болгария входят в ЕС, но до сих пор не допущены в Шенгенскую зону. Председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу отметил, что в 2014 г. вышеназванные страны также не будут приняты в Шенген.

В реализации такой стратегической цели ЕС, как переустройство своей ближайшей периферии, на южном направлении велика

роль Франции и Великобритании, на восточном направлении – Польши, Литвы, Швеции, Румынии. Первая группа стран продемонстрировала значительную активность в ситуации начавшихся на Арабском Востоке в 2010 г. волнений. Франция, кроме того, в 2008 г. в период своего председательства смогла успешно выдвинуть на общеевропейский уровень идею создания Союза для Средиземноморья. Вторая группа играет ключевую роль в решении трансформационных задач «Восточного партнерства». Исследователи отмечают, что в политике «Восточного партнерства» также важную, хотя и малозаметную роль играет Германия. В этом контексте исследователи упоминают сформированную внутри ЕС ось «Берлин – Варшава» [Девятков, Макарычев, 2012, с. 52–60].

Продвижению ЕС на Восток в рамках «Восточного партнерства» непосредственно содействует также Франция, входящая наряду с Германией и Польшей в «Веймарский треугольник». «Веймарский треугольник» как формат межгосударственного диалога декларирует укрепление сотрудничества трех стран ЕС в сфере поддержки «усилий Украины по установлению более сильных и тесных отношений с евроатлантическими структурами» [Толкачев, Семенов, 2011, с. 260–263]. Важно заметить также, что по инициативе Германии была разработана и реализуется официальная стратегия ЕС в отношении стран Центральной Азии.

В центре политики ЕС по переустройству ближней периферии находятся постсоветские государства Восточной Европы и Южного Кавказа. Один из ключевых инструментов вовлечения государств этих регионов в орбиту ЕС представлен режимом Соглашений об ассоциации и стабилизации. Данный режим был утвержден на саммите ЕС в 2000 г. и первоначально был предназначен для воздействия на политически нестабильные и экономически слабые государства Балканского региона, однако впоследствии получил более широкое распространение [Тэвдой-Бурмули, 2013].

В вопросах интеграции в европейские структуры новых государств ЕС демонстрирует значительную гибкость в отношении различных стран. В частности, после того, как Армения заявила о своем стремлении стать членом Таможенного союза, формируемого Россией, Беларуссией и Казахстаном, представителями Европейского союза было заявлено, что данный вектор не помешает политическому и экономическому сближению страны с ЕС. При этом

диалог ЕС с Украиной по вопросам евроинтеграции характеризовался более жестким тоном со стороны Европейского союза.

Другой пример гибкости европейской политики переустройства восточной периферии связан с Белоруссией. Евросоюз исключает возможность вхождения в ассоциацию с ЕС для государств, находящихся в Таможенном союзе с Россией, однако при этом оставляет для них возможность нахождения в программе «Восточного партнерства», дипломатического взаимодействия с ЕС по этой линии, а также присутствия на соответствующих саммитах «Восточного партнерства» [Косикова, 2012, с. 171–190].

Таким образом, позиционирование европейского пространства на уровне дискурса постепенно расширяется. Эту тенденцию мы имеем возможность наблюдать применительно к Южному Кавказу, частично к Центральной Азии, а также Турции. Так, новый президент Грузии Георгий Маргвелашвили незадолго до саммита «Восточного партнерства» в Вильнюсе заявил о том, что Грузия является неотъемлемой частью Европы. Данная идейная линия поддерживается «Группой мудрецов» ЕС, выступающей с критикой географических критериев определения Европы и отдающей пальму первенства критерию европейских ценностей.

Тем не менее представляется, что в политике ЕС на пространстве ближней периферии присутствует определенная непоследовательность и, как следствие, серьезные просчеты. Следует отметить, что ошибки политики ЕС на пространстве Арабского Востока демонстрируют себя достаточно явно. В частности, в результате дестабилизации ситуации в Сирии и ряде других арабских стран значительно увеличился поток беженцев, направляющихся в европейские страны через границу этих государств с Турцией. В результате, например, такие страны ЕС, как Греция, Болгария, в целях противодействия растущей нелегальной миграции вынуждены были начать реализацию проектов строительства стен на границе с Турцией.

Многие отечественные политологи рассматривали участие ЕС в событиях «арабской весны» в двух аспектах. С одной стороны, как результат стратегической недальновидности ряда европейских политиков, а с другой стороны, как проявление значительной внешнеполитической зависимости Европейского союза в сфере безопасности от Соединенных Штатов. Отечественный исследователь Д. Данилов, в частности, полагает, что ЕС оказался не готов к

наступлению «арабской весны» в той форме, в какой она имела место. Масштабы и динамика тех трансформаций, которые начали происходить на пространстве Арабского Востока, были слишком значительны по сравнению с тем, что могло ожидать. Так, к концу февраля 2011 г. волнениями были охвачены 19 из 22 расположенных в Северной Африке и на Ближнем Востоке арабских государств с общим населением около 350 млн человек.

Проблематично говорить о том, что ЕС активно стимулировал развитие на Ближнем Востоке и в Северной Африке тенденций, которые впоследствии привели к так называемой «арабской весне», однако начавшуюся трансформацию в регионе ЕС, безусловно, поддержал. В частности, ЕС выступил в поддержку проведения конституционных изменений в тех арабских странах, где революций не состоялось, но которые пошли на либерализацию своих политических систем. В частности, ЕС приветствовал те изменения, которые были проведены в Марокко и которые позволили на прошедших в 2011 г. парламентских выборах победить Партии справедливости и развития, занявшей 80 мест из 395 в парламенте страны.

В настоящее время ЕС расширяет свое экономическое взаимодействие с государствами самых разных регионов мира. Главным инструментом, который использует Евросоюз в рамках данной стратегии, является подписание соглашений о зонах свободной торговли. Данная стратегия показывает, что ЕС как международное объединение все более активно участвует в борьбе за рынки.

Первым соглашением о свободной торговле, которое подписал Евросоюз с развитой страной, расположенной вне Европы, стало соглашение с Южной Кореей 2009 г. [Стрежнева, 2012]. В октябре 2013 г. ЕС и Канада достигли политического соглашения по ключевым элементам, касающимся подписания договора о свободной торговле. Такой договор в случае его подписания станет первым договором такого плана между Евросоюзом и государством, входящим в G-8.

ЕС в настоящее время ведет переговоры о создании зоны свободной торговли с государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. В Юго-Восточной Азии Евросоюз ведет переговоры по зонам свободной торговли с Малайзией, Вьетнамом, Таиландом. ЕС пошел на переговоры по созданию зоны свободной торговли с США. В данном вопросе ЕС

в большей степени идет навстречу США, нежели выдвигает собственный геоэкономический проект. Следует отметить, что, начав переговоры, ЕС при этом отклонил российское предложение, сформулированное в 2010 г. В. Путиным в статье «Россия и Европа: от осмысления уроков кризиса – к новой повестке партнерства», опубликованной в немецкой газете «Зюддойче цитунг». В. Путин выдвигал идею создания зоны свободной торговли между ЕС и Таможенным союзом России, Белоруссии и Казахстана.

В общей сложности в 2013 г. ЕС завершил переговоры по 10 соглашениям, которые пока еще не вступили в силу. В частности, были завершены переговоры по соглашениям об экономическом партнерстве с Кот д'Ивуаром, Камеруном, Ганой и двум другим соглашениям – с Южно-Африканским сообществом развития, которое включает в себя 15 государств, и Восточно-Африканским сообществом, в которое входят Бурунди, Кения, Руанда, Танзания и Уганда.

Евросоюз для обеспечения доступа на новые рынки для своих компаний также использует позиции во Всемирной торговой организации (ВТО). Показательно, что генеральным директором ВТО с 2004 г. является переизбранный в апреле 2009 г. на новый срок француз, политик-социалист П. Лами, который ранее занимал пост комиссара ЕС по торговле.

Развитие внешнеполитической стратегии ЕС, как представляется, может происходить по различным сценариям. В рамках первого сценария ЕС пойдет по пути все большей ориентации в своей внешней политике на реализацию стратегии «разумной силы». В этом случае политика ЕС должна будет стать более целостной, более самостоятельной, более прагматичной, однако более открытой и многосторонней, «мягкий» инструментарий будет в большей степени уравновешен «жестким» инструментариумом. В рамках второго сценария ЕС продолжит в большей степени придерживаться стратегии «мягкой силы». В этом случае внешняя политика ЕС будет преимущественно ориентироваться на инструменты нормативного влияния, но зависимость ЕС от глобальной повестки дня, продвигаемой Соединенными Штатами, и военно-технологического превосходства США также сохранится. Третий сценарий может быть связан с расширением участия Евросоюза на правах партнера в реализации американской манипулятивной стратегии «умной силы». Нам представляется, что данный сценарий стратегически

негативен для ЕС по ряду причин. Во-первых, ЕС, находясь в состоянии нерешенности целого ряда внутренних социально-экономических проблем, не заинтересован в том, чтобы продолжать распространять «управляемый хаос» на пространстве своей ближней периферии. Во-вторых, продолжение участия ЕС в непопулярных в мире и неэффективных с точки зрения глобальной безопасности военных операциях США будет ослаблять нормативную силу ЕС. Представляется, что уже сегодня такое участие способствовало снижению легитимности ЕС в глазах России, Китая, арабских стран.

В стремлении ЕС оформить свою совокупную военную мощь можно проследить понимание ведущими европейскими политиками того факта, что перспективная стратегия в XXI в., являющаяся средством достижения лидерства, не может базироваться исключительно на ресурсах, инструментах и принципах «мягкой силы». Необходима именно «разумная сила», в рамках которой военный и, шире, «жесткий» стратегический компонент внешней политики качественно эволюционирует и при этом играет важную роль в стратегии в целом. Важно отметить, что, несмотря на кризисную повестку ЕС последних лет, «европейская оборона» достаточно устойчиво входит в круг центральных тем европейской политики [Данилов, 2013].

Нам представляется, что перспектива стратегического выбора имеет непосредственное отношение к Евросоюзу. Сегодня чрезмерный атлантический вектор во внешней политике ЕС способствует упадку престижа международного объединения в мире. При этом у самих Соединенных Штатов сложившаяся во взаимоотношениях с ЕС ситуация вызывает двойственное отношение. С одной стороны, США заинтересованы в ресурсах и участии ЕС в совместных внешнеполитических акциях. С другой стороны, аналитики в США понимают, что зависимость ЕС от США в сфере военной безопасности сама по себе является препятствием для реализации Евросоюзом полноценной ответственной глобальной акторности [Бжезинский, 2013].

ЕС сегодня, продолжая поддерживать США по ключевым направлениям, начинает, однако, как нам представляется, готовиться к некой более самостоятельной роли. С одной стороны, несмотря на то что формирование зоны свободной торговли между США и ЕС зачастую рассматривается исключительно как создание

своеобразного «экономического НАТО», ключевые игроки во внешней политике ЕС выступают в поддержку этой инициативы. В частности, канцлер Германии Ангела Меркель поддерживает формирование нового экономического альянса. По ее мнению, это должно помочь в сдерживании экономической мощи КНР. В то же время Евросоюз и его отдельные государства крайне болезненно восприняли разоблачения, касающиеся противозаконной деятельности спецслужб США, осуществлявших тайную слежку за гражданами и политиками ЕС. Достаточно громко свою позицию по этому вопросу заявила именно Германия.

По нашему мнению, дальнейшее усиление позиций Германии в Евросоюзе будет способствовать более самостоятельной внешнеполитической линии ЕС. Усиливающаяся Германия, в отличие от Франции, в своих решениях преимущественно опирается на ключевые институциональные структуры ЕС и критически оценивает участие в проамериканских внешнеполитических кампаниях. Показательно, что Германия была единственным европейским членом G-20, который не подписал по итогам саммита G-20 2013 г. в Санкт-Петербурге текст заявления с требованием жесткой реакции международного сообщества на применение химического оружия в Сирии. Свое решение ФРГ мотивировала желанием дождаться официального решения Евросоюза по этому вопросу. Можно отметить, что укрепление экономических позиций Германии в Европе вызывает беспокойство США. Об этом говорит, например, тот факт, что в ноябре 2013 г. США выступили с резкой критикой экономической политики ФРГ.

Таким образом, нам представляется, что формирование полномасштабной независимой стратегии Евросоюза, предполагающее более четкое и однозначное конституирование собственных глобальных политических целей, будет происходить постепенно. По мере того как одностороннее влияние США в мире будет снижаться, а ЕС будет более остро сталкиваться с региональными и глобальными проблемами, все больше будет укрепляться объективная необходимость решать данные проблемы собственными силами, однако в координации с большим количеством внешнеполитических партнеров. Нам представляется, что к реализации стратегии «разумной силы» ЕС пока не вполне готов, тем не менее в долгосрочной перспективе именно стратегия «разумной силы» рассматривается нами как наиболее оптимальная для Евросоюза.

Литература

- Александров О.Б.* Интересы и приоритеты арктической стратегии Евросоюза // Вестник МГИМО (У). – М., 2013. – № 3. – С. 12–17. – Режим доступа: http://vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/02mezhd_otn_aleksandrov.pdf (Дата посещения: 30.12.2013.)
- Арбатова Н.К.* Влияние кризиса на внешнюю и оборонную политику Европейского Союза: Тезисы к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН 30 января 2012 г. / РАН. ИМЭМО. – М., 2012. – Режим доступа: http://www.imemo.ru/ru/sc/2013/300113_tez.pdf (Дата посещения: 25.12.2013.)
- Арбатова Н.К., Кокеев А.М.* Европейский Союз и региональные конфликты / РАН. ИМЭМО. – М., 2011. – 143 с. – Режим доступа: <http://www.imemo.ru/ru/publ/2011/11010.pdf> (Дата посещения: 25.12.2013.)
- Арбатова Н.К.* К итогам саммита Россия – ЕС в Екатеринбурге. – М., 2013. – Режим доступа: http://www.imemo.ru/ru/publ/comments/2013/comm_2013_007.pdf (Дата посещения: 25.12.2013.)
- Беллер А.* Европейский Союз, НАТО и «Арабская весна» // Современная Европа. – М., 2012. – № 4 (52). – С. 71–78.
- Боонстра Й., Ляруэль М.* Сотрудничество ЕС и США в Центральной Азии: параллели пересекаются в бесконечности? // EUCAM. Брифинг. – Мадрид, 2013. – № 31, июль. – 5 с. – Режим доступа: http://www.fride.org/descarga/PB_31_Ru.pdf (Дата посещения: 26.12.2013.)
- Бжезинский Зб.* Стратегический взгляд. Америка и кризис глобальной власти. – М.: АСТ, 2013. – 285 с.
- Владимирский А.* Европейский парламент дает «зеленый свет» Агентству ENISA на реализацию Стратегии кибербезопасности ЕС // Экспертный центр электронного государства. – М., 2013. – 17 апреля. – Режим доступа: <http://d-russia.ru/evropejskij-parlament-daet-zelenyj-svet-agentstvu-enisa-na-realizaciyu-strategii-kiberbezopasnosti-es.html> (Дата посещения: 10.02.2014.)
- Воронин Е.Р.* Ливийская операция НАТО: стратегия, «твердая» и «мягкая» сила, итоги // Центр евроатлантической безопасности. – М., 2012. – Вып. 1 (31), февраль. – 31 с. – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files2/y02_2012/219224/Zak_AD1_Voronin3_Web.pdf (Дата посещения: 24.12.2013.)
- Воронин Е.Р.* О взаимодействии Евросоюза и НАТО в урегулировании кризисных ситуаций // Вестник МГИМО (У). – М., 2010. – № 1. – 6 с. – Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/files/138217/voronin-expert.pdf> (Дата посещения: 24.12.2013.)
- Данилов Д.* Европейский Союз в поиске ответов на вызовы арабской весны // Индекс безопасности. – М., 2012. – Т. 18, № 3–4 (102–103). – С. 107–140. – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/8.14_danilov.pdf (Дата посещения: 20.12.2013.)
- Данилов Д.* ЕС на пути к европейской обороне // Российский совет по международным делам. – М., 2013. – 23 января. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1295#top (Дата посещения: 22.12.2013.)
- Девятков А., Макарычев А.* «Восточная политика» Германии: Экспертные оценки и политические перспективы // Мировая экономика и международные отноше-

- ния. – М., 2012. – № 9. – С. 52–60. – Режим доступа: <http://www.utmn.ru/docs/8634.pdf> (Дата посещения: 27.12.2013.)
- Европейская стратегия Безопасности. Безопасная Европа в лучшем мире / Совет Европейского Союза. – Brussels, 2009. – 43 с. – Режим доступа: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/librairie/PDF/QC7809568RUC.pdf (Дата посещения: 20.12.2013.)
- Кондратьев А.* Единая разведка Евросоюза: быть или не быть? // Военно-промышленный курьер. – М., 2009. – № 7 (273). – Режим доступа: <http://vprk-news.ru/articles/4791> (Дата посещения: 23.12.2013.)
- Косикова Л.С.* Восточное партнерство Евросоюза со странами СНГ и интересы России // Россия и современный мир. – М., 2012. – № 1. – С. 171–190.
- Крастев И., Леонард М., Бечев Д., Кобзова Я., Уилсон Э.* Иллюзия порядка и формирование многополярной Европы / European council on foreign relations. – 2013. – 7 с. – Режим доступа: http://www.ecfr.eu/page/-/Multipolar_Europe_Russian.pdf (Дата посещения: 30.12.2013.)
- Кросс К.Д.М.* Европейская служба внешних действий и умная сила. – М., 2011. – 3 ноября. – Режим доступа: http://mirznaet.ru/article/592/24-08-2013_the-european-external-action-service-and-smart-power (Дата посещения: 21.12.2013.)
- Кутрашев Д.К.* Посредническая миссия ЕС в палестинско-израильском конфликте // Вся Европа. – М., 2012. – № 3 (64). – Режим доступа: <http://www.alieuropa.ru/posrednicheskaya-missiya-es-v-palestino-izrailjskom-konflikte> (Дата посещения: 23.12.2013.)
- Ларионова М.В.* «Группа двадцати» и Европейский Союз // Вестник международных организаций. – М., 2009. – № 2 (24). – Режим доступа: <http://www.egmontinstitute.be/papers/09/other/ABC-revisited-inRussian.pdf> (Дата посещения: 24.12.2013.)
- Макарычев М.* Смягчение санкций ЕС против Ирана начнется в декабре // Российская газета. – М., 2013. – 25 ноября. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/11/25/iran-site-anons.html> (Дата посещения: 24.12.2013.)
- Отчет о внедрении Европейской стратегии безопасности. – Brussels, 2008. – Режим доступа: http://consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/081205_RUESSReport%20final.pdf (Дата посещения: 24.12.2013.)
- Офицеров-Бельский Д.* Перспективы общей внешней политики ЕС // Международные процессы. – М., 2013. – Т. 11, № 1. – С. 122–130. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/thirty-second/Ofitserov.pdf> (Дата посещения: 25.12.2013.)
- Попеску Н., Гнедина Е.* Первое десятилетие Европейской Политики Соседства в Восточной Европе // CIES. Серия статей о Политике Соседства. – 2012. – № 1. – 12 с.
- Потемкина О.Ю., Кавешников Н.Ю., Кондратьева Н.Б.* Европейский Союз в 21 веке: время испытаний. – М.: Весь мир, 2012. – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/2.5.kaveshnikov.pdf (Дата посещения: 25.12.2013.)
- Романова Т.А.* Империя норм // Россия в глобальной политике. – М., 2013. – № 1. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Imperiya-norm-15876> (Дата посещения: 26.12.2013.)

- Себастьян П., Бунстра Й., Ляруэль М.* Безопасность Центральной Азии и пути ее развития: сравнительный анализ походов Европейского союза, Китая и России. Рабочий доклад // EUCAM. – 2012. – № 11, май. – Режим доступа: http://www.fride.org/descarga/WP11_Ru.pdf (Дата посещения: 25.12.2013.)
- Сидоров А.С.* Вооруженные силы ЕС: реальность или химера? // Современная Европа. – М., 2012. – № 1, 13 января.
- Стрежнева М.В.* Эволюция торговой политики Европейского Союза // Мировая экономика и международные отношения (Москва). – М., 2012. – № 8. – С. 39–48; № 9. – С. 42–51.
- Тищенко Е.В.* Регионализм и евразийская интеграция: последствия применения / G-Global. – 2013. – 12 с. – Режим доступа: <http://www.group-global.org/ru/publication/view/8987> (Дата посещения: 26.12.2013.)
- Толкачев В.В., Семенов О.Ю.* «Веймарский треугольник» в международных отношениях в Европе: итоги и перспективы // Вестник Нижегородского университета имени Н.И.Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. – Нижний Новгород, 2011. – № 5 (1). – С. 260–263. – Режим доступа: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2011_5/43.pdf (Дата посещения: 26.12.2013.)
- Тэвдой-Бурмули А.* Горизонты расширения ЕС: соблазны и расчеты // Российский совет по международным делам. – М., 2012. – 12 марта. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=235 – top (Дата посещения: 31.12.2013.)
- Фитуни Л.Л.* «Арабская весна»: Трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2012. – № 1. – С. 3–14.
- Фонтэн П.* Европа в 12 уроках // Бюро официальных публикаций Европейского Союза. – Brussels, 2010. – 80 с. – Режим доступа: http://www.eeas.europa.eu/delegations/russia/documents/publications/europe_12_lessons_ru.pdf (Дата посещения: 26.12.2013.)
- Цыбаков Д.Л.* Милитаризация межгосударственных союзов в постбиполярном мире: последствия для национальных интересов // Власть. – М., 2012. – № 1. – С. 161–165. – Режим доступа: http://polis.isras.ru/files/File/Vlast/Vlast_01-2012.pdf (Дата посещения: 26.12.2013.)
- Чихарев И.А., Столетов О.В.* К вопросу соотношения стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – М., 2014. – В печати.
- Юматов К.В.* Эволюция политики Европейского Союза на Южном Кавказе // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. – Томск, 2012. – № 1. – С. 126–131. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-politiki-evropeyskogo-soyuza-na-yuzhnom-kavkaze> (Дата посещения: 26.12.2013.)
- Green Paper. Towards a future maritime policy for the Union: A European vision for the oceans and seas / Commission of the European communities. – 2006. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0275B:FIN:EN:PDF> (Дата посещения: 10.02.2014.)

Grevi G., Keohane D., Lee B., Lewis P. Empowering Europe's Future: Governance, Power and Options for the EU in a Changing World / FRIDE. – 2013. – 5 December. – Mode of access: <http://www.fride.org/publication/1165/empowering-europe%E2%80%99s-future:-governance,-power-and-options-for-the-eu-in-a-changing-world> (Дата посещения: 26.12.2013.)

Eastern partnership integration and cooperation (EaPIC) programme. – Mode of access: http://ec.europa.eu/europeaid/where/neighbourhood/regional-cooperation/enpi-east/eaPIC_en.htm

Nye J.S. The Future of power. – Tampa, Fl, 2011. – 300 p.

Walker D. The «Leadership club» in Luxembourg: challenges for the EU in 2030. – The 123 rd ed. of management matters. – 2013. – December. – Mode of access: <http://europa.eu/eas/press/TheLeadershipClubinLuxembourg.pdf> (Дата посещения: 26.12.2013.)